www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.20

UDC 342:004
LBC 67.401.114

Submitted: 26.12.2025
Accepted: 01.06.2026

ON THE ESSENCE OF DIGITAL LAW IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO A DATA ECONOMY [1]

Vadim I. Malyi

P.A. Stolypin Volga Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russian Federation

Svetlana V. Malaya

OOO "Technostar" (LLC), Saratov, Russian Federation

Introduction: in the modern world, the rapid development of the digitalization process necessitates the improvement of legal regulation mechanisms. **Purpose:** based on the transition to a data economy, to study the process of transformation of the essence of digital law in view of adaptation to a radically changing digital reality. **Methods:** the research is based on the methods of formal logic and systemic and structural analysis, as well as the comparative-law method, legal forecasting, and the interpretation of legal norms. **Results:** the paper reveals that the problem of sectoral qualification of the legislation regulating relations in the digital environment, as well as the very possibility of recognizing digital law as an independent branch of law, is debatable in modern legal doctrine. The key criterion for sectoral differentiation of legal norms is the identification of a specific subject matter of regulation. In legal scholarship, its content with respect to digital law is interpreted ambiguously. Digital law is understood in both a broad and a narrow sense. **Conclusions:** it is proposed to understand digital law as an independent complex system of law and to divide its system into General and Special parts in the context of the national project "Data Economy and Digital Transformation of the State." The comprehensive digital transformation of society, in particular the economic sphere, creates sustainable objective prerequisites for recognizing digital law as a separate sectoral system.

Key words: digital law, data economy, digitalization, essence, legal regulation, management paradigm.

Citation. Malyi V.I., Malaya S.V. On the Essence of Digital Law in the Context of the Transition to a Data Economy. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 152-160. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.20

УДК 342:004
ББК 67.401.114

Дата поступления статьи: 26.12.2025
Дата принятия статьи: 01.06.2026

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЦИФРОВОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ДАННЫХ [1]

Вадим Игоревич Малый

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Саратов, Российская Федерация

Светлана Вадимовна Малая

ООО «Техностар», г. Саратов, Российская Федерация

Введение: в современном мире стремительное развитие процесса цифровизации обуславливает необходимость совершенствования механизмов правового регулирования. **Цель:** на основе перехода к экономике данных изучить процесс трансформации сущности цифрового права ввиду адаптации к радикально меняющейся цифровой реальности. **Методология** исследования базируется на применении методов формальной логики, системного и структурного анализа, а также сравнительно-правового метода, правового прогнози-

© Малый В.И., Малая С.В., 2026

рования и толкования правовых норм. **Результаты:** выявлено, что проблема отраслевой квалификации законодательства, регулирующего отношения в цифровой среде, а также сама возможность признания цифрового права самостоятельной отраслью права являются дискуссионными в современной правовой доктрине. Ключевым критерием для отраслевой дифференциации правовых норм выступает выделение специфического предмета регулирования. В науке его содержание применительно к цифровому праву трактуется неоднозначно. Цифровое право понимается как в широком, так и в узком смыслах. **Выводы:** цифровое право предлагается понимать как самостоятельную комплексную систему права, а его систему – подразделять на Общую и Особенную части в контексте национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Всеобъемлющая цифровая трансформация общества, в частности сферы экономики, создает устойчивые объективные предпосылки для признания цифрового права в качестве обособленной отраслевой системы.

Ключевые слова: цифровое право, экономика данных, цифровизация, сущность, правовое регулирование, управленческая парадигма.

Цитирование. Малый В. И., Малая С. В. К вопросу о сущности цифрового права в условиях перехода к экономике данных // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 152–160. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.20

Введение

Трансформация общественных отношений, вызванная качественным изменением роли данных в функционировании государственных и общественных институтов, объективно требует корректировки государственной политики и разработки новых концептуальных инструментов для совершенствования механизмов правового регулирования возникающих правоотношений.

Характеристика экономики данных

Стратегический вектор развития, предполагающий эволюционный переход от цифровой экономики к экономике данных, озвученный Президентом РФ В.В. Путиным в рамках Форума будущих технологий, формирует новую модель национального развития, основанную на признании детерминирующей функции данных. Ключевая задача заключается в осуществлении системных изменений экономических, социальных и властных институтов посредством имплементации управления на основе больших данных в качестве сквозной управленческой парадигмы [12].

Основными прогнозируемыми результатами реализации указанных преобразований являются: достижение мультипликативного эффекта в росте эффективности системы управления и производительности труда; формирование сегмента рабочих мест, требующих компетенций нового формата; обеспечение качественной степени доступности сервисов и услуг для населения; создание возможностей принципиально нового уровня для граждан.

Стоит отметить, что в виде стратегического императива экономики данных определяется практико-ориентированная модель, нацеленная на технологический суверенитет через внедрение отечественных решений [5]. Это требует построения комплексного механизма по созданию и широкой имплементации инноваций, развитие которого базируется на принципах гибкого регулирования и производственной поддержки. Несмотря на преемственность данного подхода от концепции цифровой экономики, для оперативного достижения целевых ориентиров актуализируется поиск новых, более эффективных методов и регуляторных инструментов.

Основные подходы к сущности цифрового права

Интенсификация процессов цифровизации, обусловленная переходом к экономике данных, порождает дуалистический процесс: параллельно с созданием новых форм возникает цифровая реставрация архаичных институтов. Это заставляет национальные правовые системы искать пути интеграции традиционных норм в цифровой контекст, обуславливая потребность в анализе сущности цифрового права под влиянием технологической трансформации. Ключевое противоречие заключается в конфликте между имманентным

консерватизмом права, для которого неизменность (особенно на уровне конституционных норм) является достоинством, и необходимостью адаптации к радикально меняющейся цифровой реальности.

Для преодоления коллизии между консервативным характером права и требованиями цифровой реальности в доктрине предложена дихотомическая стратегия: пересмотр основ правопонимания и создание новой цифровой культуры либо адаптация наличного правового инструментария. Данная теоретическая дилемма непосредственно детерминирует дуализм в определении цифрового права: в широком смысле и в узком.

Широкий подход к цифровому праву определяет его как новую системообразующую нормативную конструкцию, оказывающую воздействие на любой компонент правовой системы. Методологической основой этого подхода выступает тезис об информационной природе права, где нормы являются специализированной информацией о правах и обязанностях. В цифровом пространстве право, выполняя регулятивную функцию, одновременно модифицирует собственную природу и значение. Специфические свойства цифровой информации, такие как нематериальность, зависимость от технологических платформ и опосредованность медиа, в сочетании с ее высокой ценностью формируют запрос на создание особых правовых режимов.

В рамках рассматриваемого подхода правовое регулирование, вне зависимости от отраслевой специфики, интерпретируется как феномен, обладающий сущностной информационной и актуальной дигитальной характеристикой. Тезис о принципиальной переводимости правоотношений в плоскость цифрового интерфейса сегодня обрел статус неоспоримой концептуальной предпосылки. Эмпирическим основанием для этого служит операционализация систем электронного документооборота в таких сегментах, как государственные услуги, арбитражный процесс и административно-правовые взаимодействия (на примере регистрации товарных знаков).

В широкой интерпретации цифровое право понимается не как обособленная отрасль, а как инновационный, интегративный вектор регулирования цифрового пространства со стороны государства. Данный подход обладает трансформативным потенциалом, способным привести к пересмотру самой архитектуры правовой системы и замещению традиционной отраслевой схемы альтернативными моделями, например, бинарными делениями на «цифровое / аналоговое» или «фундаментальное / прикладное» право. Примечательно, что вторая модель, предложенная рядом исследователей (В.В. Блажеев, М.А. Егорова), предполагает выход за границы формального права и приоритет «массового правового сознания», существующего автономно от легальных регуляторов и не воспринимающего их как релевантный элемент повседневности [18, с. 210–216]. Указанная тенденция находит отражение в современном социокультурном восприятии регулирования сети Интернет. Последняя рассматривается не столько как объект формального права, сколько как ценностно-рациональное пространство, основанное на идеалах свободы. Это порождает правовой конфликт: попытки государства ограничить распространение информации, в особенности «неудобной» для него, встречают сопротивление, как нелегитимные и создающие необоснованные барьеры для цифровой коммуникации.

Широкий подход, при всей его футурологичности, остается продуктивной моделью для осмысления будущего права. Он формирует концептуальный каркас (Общую часть) цифрового права, интегрирующий нормы, регулирующие цифровую информацию независимо от отраслевых границ. Краеугольным камнем такой конструкции выступает правовой режим цифровых данных и технологий.

В узком смысле цифровое право определяется как комплексный межотраслевой институт, функционально приспособленный для решения практических задач с помощью традиционных юридических средств. Критерием его обособления является специфическая сфера государственного управления, сформировавшаяся в результате цифровой трансформации.

Проблема отраслевой квалификации законодательства, регулирующего отношения в цифровой среде, а также сама возможность признания цифрового права самостоятельной отраслью права, является дискуссионной в современной правовой доктрине. Сторонник

отраслевой самостоятельности цифрового права А.А. Карцхия видит ее предпосылки в возникновении уникального предмета и метода регулирования. Он утверждает, что данная отрасль с помощью специфических правовых инструментов управляет всем жизненным циклом процессов цифровизации в экономической, политической и правовой деятельности [8, с. 45]. В основе этого подхода, свойственного западной правовой мысли, лежит прагматический принцип: выделение специального регулирования правомерно в той сфере, где соответствующие общественные отношения приобретают устойчивый и массовый характер в практике [6, с. 154].

Закрепление в ст. 141.1 ГК РФ конструкции цифровых прав, предусматривающей детальную регламентацию их оборота на уровне федерального закона, стимулировало дальнейшее обсуждение их отраслевой квалификации. Согласно позиции Е.А. Суханова, цифровое право представляет собой не самостоятельный вид субъективного имущественного права, а легитимированную законодателем форму существования и осуществления традиционных (прежде всего обязательственных) прав [15]. Следовательно, их введение модифицирует не содержательную (цивилистическую) сущность прав, а исключительно их формально-функциональные характеристики: способы легальной фиксации, удостоверения, передачи и реализации. Данную концепцию разделяет ряд исследователей, которые рассматривают цифровое право не в качестве обособленного элемента системы права (самостоятельной отрасли или подотрасли), а как цифровую форму (модальность) существования традиционных частных и публичных правоотношений [1; 17]. С представленной точки зрения утверждается, что, несмотря на безусловную необходимость адаптации правового регулирования к новой форме, ключевым принципом должна оставаться приоритетность юридического содержания отношений над их технологическим воплощением. Одновременно отрицается возможность формирования единого предмета регулирования для цифровой сферы ввиду ее сущностной разнородности. Соответствующие правовые институты рассматриваются как элементы действующих отраслевых систем, что ставит под сомнение целесообразность их обособления в самостоятельную отрасль «цифрового права» [4]. Часть научного сообщества обосновывает целесообразность формирования платформенного права – автономного комплекса норм, регулирующих отношения в цифровой среде, опосредованные платформенными архитектурами. Основанием для такой теоретической конструкции служит констатация их парадигмальной роли, ставшей предметом длительной зарубежной дискуссии: платформы радикально изменили организацию ключевых социальных процессов, от экономических до социокультурных [2]. Некоторые исследователи обосновывают включение цифрового права в систему информационного в статусе подотрасли, аргументируя это тем, что закрепленные в ГК РФ цифровые права являются конкретизацией (специальным проявлением) общей категории информационно-коммуникативных прав [10].

Ключевым системообразующим фактором для выделения правовой отрасли является обособленный предмет регулирования. Его концептуализация в отношении «цифрового права» в современной юридической доктрине не является унифицированной. Согласно наиболее распространенной трактовке, в предмет включаются отношения, опосредующие жизненный цикл цифровых данных (создание, оборот, применение) и обеспечивающие его технологии. Спецификой этих отношений выступает их виртуальная (кибернетическая) природа, отличающаяся от материальных аналогов. Часть исследователей видят предпосылку для отраслеобразования в принципиальной модификации не только предмета, но и природы права, которая может быть инициирована легитимацией цифрового кода как источника права и переходом к автоматизированным формам правореализации, основанным на работе информационно-технологических систем [3, с. 26]. Проблема состоит в том, что цифровая трансформация носит тотальный характер, затрагивая весь спектр социальных взаимодействий. В связи с этим возникает насущная задача по разграничению и определению специфики частноправовых и публично-правовых режимов в контексте цифровых отношений.

На основе этого эмпирического наблюдения в науке существуют две конкурирующие позиции. Первая, апеллируя к неизменности сущности правоотношений при смене их формы,

отрицает возможность отраслевого обособления цифрового права [11]. Вторая, напротив, трактует их разнородность как основание для формирования комплексной, межотраслевой регулятивной модели. Дискуссионным остается вопрос о последствиях такого подхода: одни ученые считают его оптимальным решением, другие – фактором, подрывающим системность права [14].

В основе обсуждения лежит неутихающий спор о доктринальном статусе концепции комплексных отраслей права [13, с. 190]. Отношение к ней в юриспруденции расколото: одна часть исследователей видит в ней эффективный инструмент для анализа современных правовых массивов, другая – отвергает ее как псевдонаучную категорию, которая подрывает стройность системы права и вносит терминологический и классификационный хаос [7, с. 65].

На наш взгляд, наблюдается устойчивая тенденция к конвергенции частного и публичного права, выражающаяся в возрастающей подвижности их демаркационных линий. Это проявляется, во-первых, в экспансии цивилистических инструментов в сферу публично-правового регулирования, во-вторых, в значительном и легитимном проникновении государственного регулирования в область частноправовых отношений, что детерминировано необходимостью обеспечения защиты фундаментальных публичных интересов, а также охраны прав социально уязвимых субъектов. Вопрос об онтологическом основании цифровых прав возникает при анализе связанных с их оборотом общественных отношений. Данные отношения возможны лишь в контексте специальной цифровой среды, которая сама является продуктом предпосылочных правоотношений организационного характера. Так, взаимодействие сторон на инвестиционной платформе обладает производным и формализованным статусом: оно возникает как результат реализации установленного законом юридического состава действий (процедуры), центральным элементом которого является заключение комплекса договоров через уполномоченного оператора. Это подчеркивает, что цифровая среда не порождает отношений, а задает для них конкретную, предустановленную правом инфраструктурную форму.

Идея признания цифрового права комплексной отраслью права проистекает из смешанной правовой природы регулируемых отношений, что обусловливает применение комбинированного метода, интегрирующего элементы диспозитивного (частноправового) и императивного (публично-правового) регулирования. Необходимость такого синтеза диктуется спецификой охраняемых объектов и защищаемых интересов в цифровой среде (информационная безопасность, права субъектов персональных данных, добросовестная конкуренция). Неуниверсальность методологического подхода к регулированию данной сферы порождает тезис о том, что соответствующие правовые нормы лишены отраслевой самостоятельности и должны быть квалифицированы как институциональные элементы различных классических отраслей права.

Однако дискуссия о методе цифрового права не ограничивается констатацией его комплексности. В доктрине выдвигаются позиции о наличии специфического технико-юридического метода [9, с. 34]. Его ключевая характеристика – детерминирующая роль технического регулирования (стандарты, протоколы), которое создает инфраструктурные рамки и является необходимым условием для последующего внедрения механизмов права, саморегулирования и сорегулирования.

Сущностные признаки отрасли, определяющие ее специфику, наиболее рельефно отражаются в принципах правового регулирования соответствующих общественных отношений. Наиболее системную и завершенную классификацию данных принципов предложил А.В. Даниленков, структурировавший их следующим образом:

1. Ключевыми регулятивными началами (принципами), определяющими архитектуру и функциональные основы сети «Интернет», выступают принцип сетевой нейтральности и принцип открытой архитектуры.

2. Система принципов управления глобальной сетью «Интернет» формируется за счет следующих ключевых начал: многостороннее партнерство как базовый координационный механизм; суверенитет и позитивная ответственность государства, охватывающие обеспечение права на доступ, а также легитимный контроль за сетевыми отношениями

в публичных интересах; субсидиарность национально-правового регулирования, признающая примат международного права; децентрализация управленческих функций; законодательный минимализм как метод правового регулирования данной сферы.

3. Гуманитарный блок принципов регламентирует антропологическое измерение цифрового пространства и включает принцип беспрепятственной реализации прав и охраняемых законом интересов; принцип приватности (неприкосновенности частной жизни, защиты персональных данных); принцип обеспечения культурно-языкового плюрализма.

4. К принципам, регламентирующим осуществление юрисдикции в киберпространстве (принципам юрисдикционной деятельности), относятся основополагающие правила, устанавливающие порядок судебного и административного урегулирования споров в цифровой сфере.

Указанная система принципов не отменяет возможности обращения к иным началам, обусловленной содержанием соответствующих правоотношений. При том что концепт «цифрового права» остается предметом научной полемики, идентификация присущих ему специфических критериев (предмет, метод, принципы) позволяет обосновывать его претензию на автономию в системе права. Сущность цифрового права раскрывается не только в аспектах специальной терминологии и особого правового статуса его ключевых субъектов (обязательных для реализации соответствующих правомочий), но и в структуре его нормативной основы. Последняя представляет собой сложный гибридный порядок, где наравне с законом значимым регулятивным потенциалом обладают инструменты саморегулирования, технические стандарты и этические кодексы. Эта совокупность образует собственный арсенал нормативных средств, опосредующих взаимодействие в цифровой среде.

Анализ специфики рассматриваемых правоотношений порождает дискуссионные подходы к определению природы цифрового права. Согласно одной из таких нонконформистских позиций, становление цифрового права как синтеза неправовых регуляторов возможно исключительно при условии отказа от предшествующей регуляторной парадигмы [16, с. 60]. Аргументируется это тем, что его системообразующим началом выступает не классическая триада «предмет – метод – тип регулирования», а цифровая трансакция как базовая социальная единица. Таким образом, цифровое право интерпретируется его сторонниками в качестве социологически обусловленного феномена, своеобразной формы «живого права», автономного от традиционных догматических конструкций.

Выводы

Цифровое право как складывающаяся система, синтезирующая традиционные правовые формы и новые общественные практики, является актуальным полем научной рефлексии. Ее архитектонику возможно эксплицировать как методом применения макромодели (Общая / Особенная части), так и путем выявления сущностных характеристик ее предметного поля. В структуру Общей части представляется обоснованным включать нормативные положения о принципах, правосубъектности, правовом режиме ключевых объектов и инструментах правового регулирования в цифровой сфере. По мнению авторов, предметно-отраслевой критерий формирования Особенной части может быть производным от системы технологических приоритетов, установленной в рамках политики цифровой трансформации (национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»). Каждое из приоритетных направлений (искусственный интеллект, большие данные, квантовые технологии и др.) порождает уникальный комплекс правоотношений, изучение которых требует сопоставительного анализа двух фундаментальных правовых моделей: императивного публичного регулирования и диспозитивного частного права.

Таким образом, всеобъемлющая цифровая трансформация общества, в частности сферы экономики, создает устойчивые объективные предпосылки для признания цифрового права в качестве обособленной отраслевой системы. Цифровые технологии обладают имманентной способностью не просто трансформировать, но и онтологически менять природу регулируемых отношений, порождая

принципиально новые их виды. Данный тезис опровергает распространенную точку зрения, согласно которой влияние технологий ограничивается изменением внешней формы существования правоотношений. Предлагается рассматривать цифровое право в условиях перехода к экономике данных как самостоятельную комплексную отрасль права на основании, во-первых, технологической обусловленности предмета: правоотношения, составляющие его ядро, напрямую связаны с цифровой средой, порождаются ею и не могут существовать вне технологического контекста; во-вторых, гибридной природы регулятивного метода, который характеризуется диалектическим взаимодействием публично-правового и частноправового инструментария, сочетанием государственного нормотворчества с децентрализованными формами упорядочивания и коллизией национальных юрисдикций в глобальной сети; в-третьих, формирования специальных принципов, отражающих аксиоматические основания правопорядка в виртуальном пространстве и выполняющих системообразующую функцию для данной отрасли.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Статья подготовлена в рамках работы научно-исследовательской лаборатории ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» «Доверенный ИИ для государства и бизнеса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдукаримова, Н. Э. Цифровые права и эпоха трансформации цифрового общества / Н. Э. Абдукаримова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 102–104. – DOI: 10.47643/1815-1329

2. Алтухов, А. В. Платформенное право как драйвер развития инноваций / А. В. Алтухов, И. В. Ершова, С. Ю. Кашкин // Предпринимательское право. – 2020. – № 4. – С. 17–24.

3. Амелин, Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. – М. : Норма, 2023. – 280 с.

4. Воронина, И. А. Цифровые права в теории и практике российского права / И. А. Воронина, А. В. Кирпичникова, В. В. Воронин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 138–139. – DOI: 10.47643/1815-1329_4_138

5. Гашенко, И. В. Смарт-контракты в финансовой сфере России / И. В. Гашенко, М. Б. Хорошунов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 41–49. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.6

6. Захаров, А. Е. Феномен цифрового права. Возможен ли Цифровой кодекс? / А. Е. Захаров // Евразийская адвокатура. – 2025. – № 1 (72). – С. 154–156. – DOI: 10.52068/2304-9839_2025_72_1_154

7. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.

8. Карцхия, А. А. Цифровые права и правоприменение / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 43–46.

9. Минбалеев, А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений / А. В. Минбалеев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 12. – С. 31–36. – DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036

10. Монгуш, Н. М. О юридической сущности цифровых прав / Н. М. Монгуш // Вестник магистратуры. – 2023. – № 2-1 (137). – С. 46–47.

11. Пащенко, И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования / И. Ю. Пащенко // Труды по интеллектуальной собственности. – 2022. – Т. 43, № 4. – С. 21–25. – DOI: 10.17323/tis.2022.16349

12. Пленарное заседание Форума будущих технологий // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71666

13. Рейхер, В. К. Общественно-исторические типы страхования / В. К. Рейхер. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 283 с.

14. Рожкова, М. А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 4. – С. 3–12.

15. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29. – DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29

16. Тонков, Е. Е. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? / Е. Е. Тонков, В. С. Синенко // Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2016. – № 2. – С. 53–75.

17. Хертек, А. А. Цифровые права в системе объектов гражданских прав / А. А. Хертек // Вестник магистратуры. – 2022. – № 2-2 (125). – С. 66–68.

18. Цифровое право : учебник / А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев [и др.] ; под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с.

REFERENCES

1. Abdukarimova N.E. Tsifrovyye prava i epokha transformatsii tsifrovogo obshchestva [Digital Rights and the Era of Transformation of the Digital Society]. *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and Land Law], 2025, no. 1, pp. 102-104. DOI: 10.47643/1815-1329

2. Altukhov A.V., Yershova I.V., Kashkin S.Yu. Platformennoye pravo kak drayver razvitiya innovatsiy [Platform Law as a Driver of Innovation Development]. *Predprinimatelskoye pravo* [Business Law], 2020, no. 4, pp. 17-24.

3. Amelin R.V., Channov S.E. *Evolyutsiya prava pod vozdeystviyem tsifrovykh tekhnologiy* [The Evolution of Law Under the Influence of Digital Technologies]. Moscow, Norma Publ., 2023. 280 p.

4. Voronina I.A., Kirpichnikova A.V., Voronin V.V. Tsifrovyye prava v teorii i praktike rossiyskogo prava [Digital Rights in the Theory and Practice of Russian Law]. *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and Land Law], 2025, no. 4, pp. 138-139. DOI: 10.47643/1815-1329_4_138

5. Gashenko I.V., Khoroshunov M.B. Smart-kontrakty v finansovoy sfere Rossii [Smart Contracts in the Financial Sector of Russia]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 41-49. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.6

6. Zakharov A.E. Fenomen tsifrovogo prava. Vozmozhen li Tsifrovoy kodeks? [The Phenomenon of Digital Law. Is a Digital Code Possible?]. *Yevraziyskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2025, no. 1 (72), pp. 154-156. DOI: 10.52068/2304-9839_2025_72_1_154

7. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. *Voprosy teorii prava* [Questions of the Theory of Law]. Moscow, Gosyurizdat, 1961. 381 p.

8. Kartskhiya A.A. Tsifrovyye prava i pravoprimeneniye [Digital Rights and Law Enforcement]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Law enforcement monitoring], 2019, no. 2 (31), pp. 43-46.

9. Minbaleev A.V. Transformatsiya regulirovaniya tsifrovykh otnosheniy [Transformation of Regulation of Digital Relations]. *Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina* [Bulletin of the O.E. Kutafin University], 2019, no. 12, pp. 31-36. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036

10. Mongush N.M. O yuridicheskoy sushchnosti tsifrovykh prav [On the Legal Essence of Digital Rights]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Magistracy], 2023, no. 2-1 (137), pp. 46-47.

11. Pashchenko I.Yu. Tsifrovyye pravootnosheniya kak novoye yavleniye dlya sistemy pravovogo regulirovaniya [Digital Legal Relations as a New Phenomenon for the Legal Regulation System]. *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti* [Works on Intellectual Property], 2022, vol. 43, no. 4, pp. 21-25. DOI: 10.17323/tis.2022.16349

12. Plenarnoye zasedaniye Foruma budushchikh tekhnologiy [The Plenary Session of the Forum of Future Technologies]. *Prezident Rossii* [The President of Russia]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71666

13. Reicher V.K. *Obshchestvenno-istoricheskiye tipy strakhovaniya* [Socio-Historical Types of Insurance]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. 283 p.

14. Rozhkova M.A. Yavlyayetsya li tsifrovoye pravo otrasl'yu prava i nuzhno li ozhidat poyavleniya Tsifrovogo kodeksa? [Is Digital Law a Branch of Law and Is It Necessary to Expect the Appearance of a Digital Code?]. *Khozyaystvo i pravo* [Economy and Law], 2020, no. 4, pp. 3-12.

15. Sukhanov E.A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» [On the Civil Nature of "Digital Property"]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2021, no. 6, pp. 7-29. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29

16. Tonkov E.E., Sinenko V.S. Kompleksnyye otrasli prava: plodotvornaya ideya ili otkaz ot formalnoy opredelennosti v pravovoy nauke? [Complex Branches of Law: A Fruitful Idea or a Rejection of Formal Certainty in Legal Science?]. *Vestnik VGU. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the VSU. The Pravo Series], 2016, no. 2, pp. 53-75.

17. Hertek A.A. Tsifrovyye prava v sisteme ob'yektov grazhdanskikh prav [Digital Rights in the System of Objects of Civil Rights]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of Magistracy], 2022, no. 2-2 (125), pp. 66-68.

18. Dyuflo A., Andreeva L.V., Blazheev V.V. et al. *Tsifrovoye pravo: uchebnik* [Digital Law. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p.

Information About the Authors

Vadim I. Malyi, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Corporate Economics, P.A. Stolypin Volga Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moskovskaya St, 164, 410012 Saratov, Russian Federation, 346023@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3694-6899

Svetlana V. Malaya, Lawyer, OOO "Technostar" (LLC), im. Chernyshevskogo N.G. St, 199, 410002 Saratov, Russian Federation, malayasvetl4na@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-3863-3703

Информация об авторах

Вадим Игоревич Малый, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, ул. Московская, 164, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, 346023@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3694-6899

Светлана Вадимовна Малая, юрист, ООО «Техностар», ул. им. Чернышевского Н.Г., 199, 410002 г. Саратов, Российская Федерация, malayasvetl4na@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-3863-3703